Дата поступления рукописи в редакцию: 25.09.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.
DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-550-556

НИКОЛАЕВ Дмитрий Олегович,
аспирант кафедры
экологического, трудового права и гражданского процесса
Казанского (Приволжского) федерального университета,
e-mail: nikolaevdmo@yandex.ru

РАЗГРАНИЧЕНИЕ ИСКОВОГО И АДМИНИСТРАТИВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛАМ О ВОЗМЕЩЕНИИ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ОРГАНАМИ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ

Аннотация. *Статья посвящена определению надлежащей процессуальной формы рассмотрения требований о возмещении вреда, причиненного органами публичной власти, в условиях конкуренции гражданского (арбитражного) и административного судопроизводства. Анализируются доктринальные подходы к соотношению понятий судебной компетенции, подведомственности и подсудности. Обосновывается, что участие органа публичной власти в деле в качестве ответчика и необходимость оценки законности его действий не трансформируют автоматически частноправовое требование о возмещении вреда в публично-правовой спор. Критически рассматривается позиция, согласно которой установление незаконности властного поведения должно во всех случаях предшествовать компенсационному иску в рамках самостоятельного административного производства. На основе анализа практики Верховного Суда Российской Федерации и Европейского Суда по правам человека формулируется функционально-целевой критерий разграничения процессуальных форм: вид судопроизводства должен определяться не статусом причинителя вреда, а природой заявленного требования и целью судебной защиты.*

Ключевые слова: *исковое производство, административное судопроизводство, судебная компетенция, возмещение вреда, органы публичной власти, процессуальная форма.*

Для цитирования: *Николаев Д. О. Разграничение искового и административного судопроизводства по делам о возмещении вреда, причиненного органами публичной власти // Образование и право. 2026. № 10. С. 550–556.*

NIKOLAYEV Dmitry Olegovich,
Postgraduate student at the Department
of Environmental, Labor Law and Civil Procedure
of Kazan (Volga Region) Federal University

DIFFERENTIATION OF CLAIM AND ADMINISTRATIVE PROCEEDINGS IN CASES OF COMPENSATION FOR DAMAGE CAUSED BY PUBLIC AUTHORITIES

Annotation. *The article is devoted to the definition of the appropriate procedural form for considering claims for compensation for damage caused by public authorities, in the context of competition between civil (arbitration) and administrative proceedings. The doctrinal approaches to the relationship between the concepts of judicial competence, jurisdiction, and venue are analysed. It is based on the fact that the participation of a public authority in the case as a defendant and the need to assess the legality of its actions do not automatically transform a private law claim for compensation of harm into a public law dispute. The position is critically examined, according to which the establishment of the unlawfulness of official conduct should, in all cases, precede the compensatory claim within the framework of independent administrative proceedings. Based on an analysis of the practice of the Supreme Court of the Russian Federation and the European Court of Human Rights, a functional and target-oriented criterion for distinguishing between procedural forms is formulated: the type of legal proceedings should be determined not by the status of the claimant, but by the nature of the claimed right and the purpose of judicial protection.*

Key words: *claim proceedings, administrative proceedings, judicial competence, compensation for damage, public authorities, procedural form.*

For citation: *Nikolayev D. O. Differentiation of claim and administrative proceedings in cases of compensation for damage caused by public authorities. Education and law. 2026;(10):550–556. (In Russ.).*

Межотраслевой характер правоотношений, возникающих вследствие причинения вреда публичной властью, обусловливает наличие конкуренции юрисдикций и неоднозначность правоприменительных подходов. В правовой доктрине и судебной практике сохраняется дискуссия относительно разграничения компетенции между судами общей юрисдикции и арбитражными судами, а также допустимости рассмотрения соответствующих требований в порядке административного судопроизводства. Вследствие этого исследование судебной компетенции по делам о возмещении вреда, причинённого органами публичной власти, представляется необходимым элементом комплексного анализа данного правового института.

В научной литературе понятие судебной компетенции трактуется с разных позиций, при этом наблюдаются неоднозначные подходы к его взаимосвязи с категориями «подведомственность» и «подсудность». Например, Е.В. Васьковский описывал судебную компетенцию как «работу судебных органов, осуществляемую в пределах возложенных на них прав и обязанностей» [2, с. 445]. По мнению Д.Х. Валеева, представителя казанской правовой школы, компетенцию можно определить лишь применительно к конкретному суду, поскольку она тесно связана с подсудностью, то есть с кругом дел, которые относятся к ведению данного суда [1, с. 52]. Касаясь соотношения понятия «компетенция» с «подведомственностью» и «подсудностью», следует отметить, что преобладающее число исследователей считает: в случае отказа от термина «подведомственность» подсудность должна интерпретироваться шире, а компетенцию приравнивают к подведомственности [11]. В диссертационном исследовании Е.А. Овчинниковой компетенция представлена как «комплекс дел, которые суд или судья вправе рассматривать и разрешать»; при этом автор выделяет её типы, проводит различие между «компетенцией» и «полномочиями», где последние понимаются как «права, обязанности и инструменты для осуществления компетенции» [8].

Отдельного внимания заслуживает вопрос о влиянии публичного элемента спора на выбор процессуальной формы. Наличие в деле органа публичной власти в качестве ответчика либо установление незаконности публично-властного акта не трансформирует автоматически частноправовое требование о возмещении вреда в публично-правовой спор. Процессуальная форма должна определяться не статусом ответчика, а характером заявленного требования и целью судебной защиты [9]. Если целью обращения в суд является восстановление имущественного или неимущественного блага путём компенсации вреда, соответствующее требование укладывается в рамки искового производства, независимо от того, в каком контексте был причинён вред.

Субъектный состав традиционно рассматривается в качестве исходного ориентира при разграничении юрисдикции между судами общей юрисдикции и арбитражными судами [7, с. 18]. В делах о возмещении вреда, причинённого органами публичной власти, данный критерий проявляется прежде всего через правовой статус потерпевшего. Если в качестве истца выступает гражданин, защита его нарушенного права, как правило, осуществляется судами общей юрисдикции. Это соответствует общей логике гражданского судопроизводства, ориентированного на разрешение частноправовых споров с участием физических лиц, в том числе в случаях, когда ответчиком является публично-правовое образование либо государственный орган. При этом участие органа публичной власти в споре не рассматривается как обстоятельство, автоматически изменяющее юрисдикционную принадлежность дела. Особенность субъектного состава по делам о возмещении вреда, причиненного органами публичной власти, состоит в необходимости разграничивать фактического причинителя вреда, процессуального представителя публично-правового образования и субъекта имущественной ответственности.

Наряду с субъектным составом существенное значение имеет характер правоотношения, из которого вытекает требование о возмещении вреда. Несмотря на публичную природу деятельности причинителя вреда, само обязательство по его возмещению носит гражданско-правовой характер. Оно возникает вследствие нарушения субъективного права потерпевшего и направлено на компенсацию имущественных либо неимущественных потерь. Вследствие этого в доктрине обоснованно подчёркивается, что деликтные обязательства с участием публичной власти сохраняют частноправовую сущность, даже если противоправное поведение имело место в рамках реализации властных полномочий. Данный вывод

последовательно отражается и в правоприменительной практике, где подчёркивается, что публично-властный характер действий ответчика не трансформирует требование о возмещении вреда в публично-правовой спор.

Отдельного анализа заслуживает влияние предварительного оспаривания публично-властного акта или действия на определение юрисдикции. Нередко требование о возмещении вреда заявляется после признания соответствующего акта незаконным либо одновременно с таким требованием. Наличие элемента проверки законности публичного поведения не изменяет гражданско-правовой природы требования о компенсации вреда. В научной литературе по вопросу о возможности соединения требований высказаны различные позиции: одни авторы отрицают допустимость их совместного рассмотрения [10, с. 42; 12], другие допускают такое соединение при наличии процессуальных условий [6, с. 26; 13, с. 43; 15, с. 31].

Отдельно разъяснено, что акты налоговых и таможенных проверок не являются самостоятельным предметом оспаривания, поскольку носят вспомогательный характер и предназначены для фиксации выявленных нарушений. Аналогичный подход применяется к документам, удостоверяющим правовой статус лица или правовой режим имущества (свидетельства, удостоверения, справки, протоколы): судебному оспариванию подлежит не сам такой документ, а принятое на его основе властное решение. Требования о возмещении вреда, причинённого незаконными решениями, действиями или бездействием публичных субъектов, подлежат рассмотрению в самостоятельном исковом производстве [16].

В итоге анализ критериев разграничения юрисдикции позволяет констатировать, что судебная компетенция по делам о возмещении вреда, причинённого органами публичной власти, формируется на основе совокупной оценки субъектного состава, характера правоотношений и экономической направленности спора. Такой многофакторный подход обеспечивает гибкость правоприменения и позволяет учитывать специфику каждого конкретного дела, что имеет принципиальное значение для эффективной судебной защиты нарушенных прав.

Исследование процессуальной формы рассмотрения требований о возмещении вреда, причинённого органами публичной власти, позволяет констатировать устойчивое доминирование искового производства в гражданском процессе. Данный вывод обусловлен как материально-правовой природой соответствующих требований, так и логикой развития российского процессуального законодательства, ориентированного на обеспечение эффективной судебной защиты частных лиц от незаконных действий публичной власти. Исковое производство в гражданском процессе традиционно предназначено для разрешения споров о субъективных гражданских правах и обязанностях [4; 14]. Требование о возмещении вреда, независимо от статуса причинителя, направлено на восстановление нарушенного имущественного или неимущественного блага и носит компенсационный характер.

Вследствие этого обязательство по возмещению вреда, причинённого органами публичной власти, квалифицируется как гражданско-правовое деликтное обязательство, основанное на нормах главы 59 Гражданского кодекса Российской Федерации. Публично-властная природа деятельности ответчика не изменяет сущности спорного материального правоотношения, что последовательно подчёркивается как в доктрине, так и в судебной практике.

Применение искового производства позволяет в наибольшей степени реализовать принципы гражданского процесса, имеющие особое значение для дел о публично-причинённом вреде. Принцип состязательности обеспечивает равенство процессуальных возможностей сторон, включая возможность представления доказательств, заявления ходатайств и оспаривания позиции процессуального оппонента. Это приобретает особую значимость в спорах с участием органов публичной власти, обладающих значительным организационным и информационным ресурсом. Принцип диспозитивности, в свою очередь, позволяет потерпевшему самостоятельно определять объём и содержание заявленных требований, включая размер компенсации и основания ответственности.

Особенностью искового производства по делам о возмещении вреда, причинённого органами публичной власти, является специфика субъектного состава ответчиков. Формально ответчиком по делу выступает публично-правовое образование - Российская Федерация, субъект Российской Федерации либо муниципальное образование, от имени которого в процессе участвует соответствующий орган или главный распорядитель бюджетных средств. Такая конструкция направлена на обеспечение реальной исполнимости судебного решения и отражает публично-финансовую природу ответственности государства. Исковое производство в гражданском процессе предоставляет необходимые процессуальные механизмы для привлечения надлежащего ответчика и замены ненадлежащей стороны без прекращения производства по делу [5].

Вопрос о процессуальной форме рассмот-

рения требований о возмещении вреда, причинённого органами публичной власти, неизбежно выводит к доктринальной и практической дискуссии о применимости Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (далее – КАС РФ). Появление КАС РФ и формирование административного судопроизводства как самостоятельной процессуальной формы объективно актуализировали вопрос о перераспределении судебной компетенции в сфере споров, возникающих из публично-властных отношений.

В доктрине существует позиция, согласно которой установление незаконности властного поведения должно происходить в рамках самостоятельного административного производства, а компенсационное требование должно рассматриваться как производное от результата такого оспаривания. Так, в диссертационном исследовании Величко М.Б. указано, что «рассмотрение вопроса о законности решения, действий (бездействия) субъекта публичной власти в исковом процессе в порядке косвенного судебного контроля при разрешении частного гражданско-правового требования о возмещении вреда в соответствии со ст. 1069 ГК РФ противоречит буквальному содержанию абз. 2 ст. 13 ГК РФ, поскольку установление обстоятельств совершения противоправного акта, действия (бездействия) и наличие вины субъекта публичной власти в причинении вреда, а также наличие причинной следственной связи между противоправным поведением и наступлением негативных последствий, должно происходить при признании соответствующего акта, действия (бездействия) недействительным, что предусматривает обязательное рассмотрение и разрешение данного требования как самостоятельного требования в форме административного судопроизводства…» [3, с. 214].

Приведенная позиция последовательно подчеркивает публично-правовую природу проверки законности властного поведения. Вместе с тем она приводит к обязательному процессуальному разделению требований и не учитывает возможность установления незаконности непосредственно в составе обстоятельств, образующих основание компенсационного иска.

Подобный подход сталкивается с существенными нормативными и концептуальными ограничениями. КАС РФ ориентирован прежде всего на судебный контроль за законностью и обоснованностью публично-властных решений, действий и бездействия. Его предметом является защита публичных субъективных прав в аспекте восстановления законности, а не компенсация имущественных потерь. Даже в тех случаях, когда КАС РФ допускает заявление сопутствующих требований, связанных с последствиями оспариваемых актов, соответствующие нормы носят фрагментарный характер и не формируют целостного механизма возмещения вреда в деликтном понимании.

На первоначальном этапе действия КАС РФ судебная практика исходила из более строгого разграничения требований, подлежащих рассмотрению в гражданском и административном судопроизводстве. Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда РФ в определении от 18 января 2017 г. № 56-КГ16-37 указала, что при объединении в одном заявлении нескольких требований они подлежат рассмотрению в различных процессуальных формах. Так, требование об оспаривании действий (бездействия) субъекта, наделённого публичными полномочиями, должно рассматриваться по правилам административного судопроизводства, тогда как требование о возмещении морального вреда рассматривается в порядке гражданского судопроизводства [17]. Указанная правовая позиция должна оцениваться с учетом последующего изменения законодательства. В действующей редакции часть 1.1 статьи 124 КАС РФ допускает соединение требования об оспаривании решения, действия или бездействия с требованием о компенсации причиненного ими морального вреда. Поэтому определение 2017 года характеризует предшествующий этап развития процессуального регулирования и не может использоваться как безусловное подтверждение невозможности совместного рассмотрения соответствующих требований.

Разграничение процессуальных форм необходимо обосновывать не отсутствием в КАС РФ состязательности, судебных расходов или компенсации морального вреда, а различием непосредственных целей судебной защиты. Оспаривание направлено на проверку законности решения, действия или бездействия публичного субъекта. Самостоятельный имущественный иск направлен на установление всех условий гражданско-правовой ответственности, определение размера реального ущерба или упущенной выгоды и присуждение компенсации.

Возможность заявления морального вреда в административном иске не означает переноса в административное судопроизводство всех деликтных требований. Следует различать сопутствующее требование о компенсации морального вреда, причиненного оспариваемым поведением, и самостоятельное требование о возмещении имущественных потерь.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации разъясняет, что требования о возмещении вреда, не вытекающие непосредственно из публичного правоотношения [18], могут быть отдель-

но предъявлены в порядке гражданского или арбитражного судопроизводства. Следовательно, действующее регулирование допускает дифференциацию процессуальной формы в зависимости от характера конкретного требования.

Наличие в доктрине позиции о целесообразности рассмотрения дел о возмещении вреда, причинённого органами публичной власти, в порядке административного судопроизводства нередко обосновывается ссылками на практику Европейского суда по правам человека, в частности на постановление от 10 января 2012 г. по делам «Ананьев и другие против России» (жалобы № 42525/07 и № 60800/08). В указанном решении Европейский суд, анализируя эффективность средств правовой защиты, применявшихся в российской правовой системе, дал оценку практике использования главы 25 ГПК РФ, регулировавшей порядок рассмотрения жалоб на действия и решения органов публичной власти.

Одновременно Европейский суд указал на существенный недостаток сложившейся практики: «неясно, может ли жалоба, поданная в порядке главы 25 ГПК РФ, сопровождаться обычным требованием о возмещении ущерба на основании статей 151 и 1064 ГК РФ и может ли она рассматриваться совместно в рамках одного разбирательства. Если объединение этих требований невозможно в силу закона или юридической практики – это будет возлагать чрезмерное бремя на заявителя, которому будет необходимо вначале вести судебное разбирательство для рассмотрения его жалобы по существу, а потом предъявлять решение о нарушении его прав в тот же суд и инициировать новое судебное разбирательство для получения компенсации» [19].

Данный аргумент используется сторонниками расширительного применения административного судопроизводства как подтверждение необходимости концентрации всех требований, вытекающих из публичного нарушения, в рамках одного процесса, аналогичного по своей природе современному административному судопроизводству. Однако исследование показывает, что выводы Европейского суда не свидетельствуют о предпочтительности административной процессуальной формы как таковой, а, напротив, указывают на необходимость эффективного компенсационного механизма, способного обеспечить восстановление нарушенных прав без чрезмерных процессуальных издержек для заявителя.

Таким образом, публично-правовой характер деятельности непосредственного причинителя вреда сам по себе не является достаточным основанием для переноса компенсационного спора в административное судопроизводство. Вид судопроизводства должен определяться не субъектным статусом причинителя и не отраслевой принадлежностью норм, нарушение которых повлекло причинение вреда, а природой заявленного материально-правового требования и непосредственной целью судебной защиты.

При оспаривании решения, действия или бездействия предметом судебной деятельности выступает проверка законности осуществления публичного полномочия и устранение возникших в публичном правоотношении нарушений. В деле о возмещении вреда непосредственным объектом судебной защиты является субъективное гражданское право потерпевшего на получение имущественной компенсации. Суд разрешает вопрос о существовании, содержании и размере гражданско-правовой обязанности публично-правового образования.

Гражданская исковая форма соответствует комплексному предмету доказывания по данной категории дел. В рамках одного производства суд устанавливает факт и характер нарушения, наличие вреда, состав и размер имущественных потерь, причинную связь, основания ответственности публично-правового образования, а также разрешает вопрос о присуждении денежной суммы за счет соответствующей казны. Основным результатом такого производства является не признание властного поведения незаконным как самостоятельный способ защиты, а возложение на ответчика гражданско-правовой обязанности возместить вред.

Перенос самостоятельных компенсационных требований в административное судопроизводство привел бы к смешению двух различных функций судебной защиты: непосредственной проверки законности публичного поведения и разрешения спора о гражданско-правовой обязанности по возмещению вреда. Публично-правовой элемент основания иска не должен изменять процессуальную форму, соответствующую природе основного материально-правового требования.

Закрепленная частью 1.1 статьи 124 КАС РФ возможность соединения требования об оспаривании решения, действия или бездействия с требованием о компенсации причиненного ими морального вреда не опровергает данного вывода. Эта норма направлена на процессуальную концентрацию взаимосвязанных требований и не формирует общего административно-процессуального порядка рассмотрения самостоятельных требований о возмещении имущественного вреда, включая реальный ущерб и упущенную выгоду.

Предварительное признание решения, действия или бездействия незаконным также не должно рассматриваться как универсальная пред-

посылка гражданского иска о возмещении вреда. Если специальным законом не установлено иное, суд вправе самостоятельно оценить законность публичного поведения как обстоятельство, входящее в предмет доказывания. Ранее принятый судебный акт об оспаривании может иметь преюдициальное значение при наличии предусмотренных процессуальным законодательством условий, но его отсутствие не исключает предъявления компенсационного требования.

Следовательно, разграничение гражданского и административного судопроизводства по рассматриваемой категории дел должно осуществляться по функционально-целевому критерию. Если непосредственной целью обращения является устранение незаконного властного решения и восстановление правового положения лица в публичном правоотношении, спор разрешается в административном судопроизводстве. Сохранение самостоятельных требований граждан о возмещении вреда в гражданском судопроизводстве обеспечивает соответствие процессуальной формы природе защищаемого права и позволяет разрешить в едином производстве весь состав гражданско-правовой ответственности публично-правового образования.

Список литературы:

[1] Арбитражный процесс: учебник / Отв. ред. Д.Х. Валеев и М.Ю. Челышев. М.: Статут, 2010. 570 с.

[2] Васьковский Е.В. Курс гражданского процесса: Субъекты и объекты процесса, процессуальные отношения и действия. М.: Статут, 2016. 624 с.

[3] Величко М.Б. Форма и порядок судебной защиты по делам об оспаривании решений, действий (бездействия) субъектов публичной власти, влекущих имущественные последствия: дис. … канд. юрид. наук. Москва, 2023. 285 с.

[4] Виды исков в гражданском судопроизводстве. Учебное пособие / Мясникова Н.К. / Под ред.: Кузнецов Н.В. Саратов: Изд-во Сарат. акад. права, 2002. 92 с.

[5] Дербишева О.А. Реализация права на защиту от заявленного иска ненадлежащим ответчиком в гражданском судопроизводстве: теоретические и практические аспекты // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2019. № 4. С. 108-114.

[6] Захаров Н.И. Административное судопроизводство: сложности применения и пробелы в законодательстве // Судья. 2017. № 3. С. 25-26.

[7] Малявина Н.Б. Проблема разграничения компетенции арбитражных судов и судов общей юрисдикции по рассмотрению различных категорий дел // Арбитражный и гражданский процесс. 2022. № 5. С. 18-22.

[8] Овчинникова Е.А. Компетенция и полномочия суда (судьи) в российском уголовном судопроизводстве. Краснодар, 2020. 249 с.

[9] Опалев Р.О. Арбитражная процессуальная форма и процессуальная форма административного судопроизводства: проблемы соотношения // Экономическое правосудие в Уральском округе. 2021. № 1(57). С. 142-156.

[10] Остроумов А.А. О допустимости рассмотрения публично-правовых и гражданскоправовых требований в рамках одного производства по КАС России // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 5. С. 42-48.

[11] Петрова М.Ю. К вопросу соотношения понятий «подведомственность», «подсудность» и «компетенция» // Северо-Кавказский юридический вестник. 2023. № 1. С. 148–153.

[12] Приходько И.А., Бондаренко А.В., Столяренко В.М. Реформирование процессуального законодательства: цели, проблемы, тенденции. Москва : Международные отношения, 2018. 624 с.

[13] Соловьев А.А., Огнева К.О. К вопросу о рассмотрении гражданского иска в административном деле // Административное право и процесс. 2020. № 5. С. 36-43.

[14] Яковенко Е.В. Исковое производство в суде первой инстанции в гражданском процессе: учебное пособие / Е. В. Яковенко. Владивосток: Владивостокский государственный университет, 2024. 148 с.

[15] Ярков В.В. Подведомственность дел административного судопроизводства (на примере КАС РФ) // Арбитражный и гражданский процесс. 2017. № 6. С. 25-31.

[16] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2022 г. N 21 "О некоторых вопросах применения судами положений главы 22 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и главы 24 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации" // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_420838/ (дата обращения: 05.09.2026).

[17] Определение СК по административным делам Верховного Суда РФ от 18 января 2017 г. N 56-КГ16-37 // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=491098 (дата обращения: 05.09.2026).

[18] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О некоторых вопросах применения судами положений главы 22 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и главы 24 Арбитражного процессу-

ального кодекса Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_420838/ (дата обращения: 05.09.2026).

[19] Постановление ЕСПЧ от 10.01.2012 «Дело «Ананьев и другие (Ananyev and others) // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=291685 (дата обращения: 05.09.2026).

References:

[1] Arbitration Process: A Textbook / Eds. D.Kh. Valeev and M.Yu. Chelyshev. Moscow: Statut, 2010. 570 p.

[2] Vaskovsky E.V. A Course on Civil Procedure: Subjects and Objects of the Process, Procedural Relations and Actions. Moscow: Statut, 2016. 624 p.

[3] Velichko M.B. Form and Procedure of Judicial Protection in Cases Challenging Decisions, Actions (or Inaction) of Public Authorities That Entail Property-Related Consequences: Dissertation for the Degree of Candidate of Legal Sciences. Moscow, 2023. 285 p.

[4] Types of Claims in Civil Litigation: A Study Guide / Myasnikova N.K. / Ed. Kuznetsov N.V. Saratov: Saratov State Law Academy Publishing House, 2002. 92 p.

[5] Derbisheva O.A. Exercising the Right to Defense Against a Claim Brought Against an Improper Defendant in Civil Litigation: Theoretical and Practical Aspects // Bulletin of the Faculty of Law, Southern Federal University. 2019. No. 4. pp. 108–114.

[6] Zakharov N.I. Administrative Litigation: Challenges in Application and Gaps in Legislation // Sudya (The Judge). 2017. No. 3. pp. 25–26.

[7] Malyavina N.B. The Problem of Delineating the Competence of Arbitration Courts and Courts of General Jurisdiction in Hearing Various Categories of Cases // Arbitration and Civil Procedure. 2022, No. 5, pp. 18–22.

[8] Ovchinnikova E.A. Competence and Powers of the Court (Judge) in Russian Criminal Proceedings. Krasnodar, 2020. 249 p.

[9] Opalev R.O. Arbitrazh (Commercial) Procedural Form and the Procedural Form of Administrative Legal Proceedings: Issues of Interrelation // Economic Justice in the Ural District. 2021, No. 1(57), pp. 142–156.

[10] Ostroumov A.A. On the Admissibility of Considering Public-Law and Civil-Law Claims Within the Framework of a Single Proceeding under the Code of Administrative Legal Proceedings of the Russian Federation // Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice. 2016, No. 5, pp. 42–48.

[11] Petrova M.Yu. On the Interrelation of the Concepts of "Jurisdiction" (podvedomstvennost), "Venue" (podsudnost), and "Competence" // North Caucasus Legal Bulletin. 2023, No. 1, pp. 148–153.

[12] Prikhodko I.A., Bondarenko A.V., Stolyarenko V.M. Reforming Procedural Legislation: Goals, Problems, and Trends. Moscow: Mezhdunarodnye Otnosheniya, 2018. 624 p.

[13] Solovyev A.A., Ogneva K.O. On the Consideration of a Civil Claim within an Administrative Case // Administrative Law and Process. 2020, No. 5, pp. 36–43.

[14] Yakovenko E.V. Adjudication Proceedings in the Court of First Instance in Civil Litigation: A Study Guide / E. V. Yakovenko. Vladivostok: Vladivostok State University, 2024. 148 p.

[15] Yarkov V. V. Jurisdiction over Administrative Legal Proceedings (Using the Code of Administrative Court Procedure of the Russian Federation as an Example) // Arbitration and Civil Procedure. 2017. No. 6. pp. 25–31.

[16] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated June 28, 2022, No. 21 "On Certain Issues Regarding the Application by Courts of the Provisions of Chapter 22 of the Code of Administrative Court Procedure of the Russian Federation and Chapter 24 of the Arbitration Procedural Code of the Russian Federation" // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_420838/ (accessed: 05.09.2026).

[17] Ruling of the Judicial Collegium for Administrative Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated January 18, 2017, No. 56-KG16-37 // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=491098 (accessed: 05.09.2026).

[18] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation "On Certain Issues Regarding the Application by Courts of the Provisions of Chapter 22 of the Code of Administrative Court Procedure of the Russian Federation and Chapter 24 of the Arbitration Procedural Code of the Russian Federation" // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_420838/ (accessed: 05.09.2026).

[19] Judgment of the ECHR dated 10.01.2012, "Case of Ananyev and Others" // ConsultantPlus legal reference system. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=291685 (accessed: 05.09.2026).